

ВЫСОКАЯ МИССИЯ РЕЖИССЕРА

Вот уже полвека работает в искусстве выдающийся режиссер современности Георгий Александрович Товстоногов. Полвека он настойчиво, неумолимо и властно строит, собирает и утверждает свой театр, свое понимание искусства, свою режиссерскую и актерскую школу. С первого учебного спектакля «Предложение», поставленного двадцатилетним юношей в Тбилиском театре в 1933 году, до последнего по времени чеховского спектакля «Дядя Ваня», осуществленного режиссером на сцене АБДТ в 1983 году, пролегал путь этого мастера.

Всем нам, кому довелось десятилетиями идти бок о бок рядом с ним, ясно, что Товстоногов давно стал безусловным лидером советской сцены, по творениям которого, как по компасу, сверяют свою работу многие, если не все театры страны, настолько авторитетно и помырюще прочно его лучшие спектакли входили в нашу жизнь. Они определяли собой не моду, а поворотные, эталонные моменты театральной истории. Режиссер не метался из стороны в сторону, алексовым мучительной и жесткой самовыражения, а шел твердо и прямо, как если бы избранный им в молодости путь был заранее запрограммирован.

Художественную позицию Товстоногова можно сравнить с позицией Вя. И. Маяковского-Давиденко, всегда стоявшего между К. С. Станиславским и Вс. З. Мейерхольдом, мудро умерявшего их неумолимую дерзкую тенденциозность, владевшего точным чувством меры и гармонии, ясным ощущением того, что будет понято и драгано зрителем сегодня, сейчас. Можно сказать и по-другому: миссия Товстоногова состоит в том, что он сумел связать предвечную культуру с последовой. Можно вспомнить о его богатой эрудиции, мастерстве наследования и развития лучших традиций отечественной и мировой сцены. Наконец, отдать должное его педагогическому дару, собравшему вокруг себя не одно актерское поколение. Все это так. И, однако, это еще не будет всей правдой о Товстоногове, ибо тут происходит, старается главное — личность режиссера, складывается неповторимое свойство его таланта, его интеллекта и души.

Режиссер Товстоногов — это спектакли, им поставленные, в которых по-своему выразилось время. Это «Оптимистическая трагедия», «Лиса и виноград», «Идиот», «Варвары» и «Пять вечеров», рожденные в 50-е годы. Это «Не склонившие головы», «Горе от ума», «Поднятая целина», «Три сестры» и «Мещане», рожденные в 60-е. Это «Беспокойная старость», «Ревизор», «Ханума», «Балдакин и К» (в «Современнике»), «Прошлым летом в Чулымске», «Три мешка сорной пшеницы», «История лошади» и «Тихий Дон», созданные в 70-е годы. И, наконец, это ленинградский спектакль «Перечтывая слово...» и чеховский «Дядя Ваня», открывшие вторые работы 80-х. Из всего длинного списка постановок режиссера в нашей стране и за рубежом можно было бы выбрать и больше, но, думаю, именно эти двадцать наиболее рельефно открыли то явление нашей художественной культуры, которое называется «режиссер Товстоногов».

Его спектакли — это прежде всего концентрированная, сущностная до афоризма мысль, разлитая во всех порах создания. Мысль, необ-

ходимая людям именно этого, а не иного времени. Осмыслить свое время в его динамике, в его непрерывном движении — не в этом ли и состоит истинная художественная и гражданская миссия режиссера, его призвание и предназначение?

В самом деле: как большой режиссер Товстоногов родился не случайно в середине 50-х годов. И с тех пор его гражданский темперамент восторженно направлял его сценические замыслы. Человек трезвого аналитического ума, внешне уравновешенный, сдержанный и дипломатичный, он, пожалуй, является одним из самых внутренне бесполойных современных художников. Посмотрите, как на репетициях загораются его темные глаза за стеклами очков, как жадно тычется рука ко рту закуривая одну сигарету за другой, какой приглушенной страстью рокочет низкий голос.

Водянет от мысли — вот что рождает будущий образ спектакля. Мысль, засевавшая в душу, не дает покоя, прорастает не лянными обидями, но проблемами значительными, общечеловеческими, противостоятелем во времени. По натуре не лирик, а скорее прозаик, этот режиссер склонен к эпическим формам сцены. Ему подвластны произведения большого масштаба, собирающие в себя крупные социальные явления, исторические события, открыто трагические конфликты и характеры. Историю он смело приближает к современности, а современность проследивает отголоском минувшего. Вот почему так необычайно свежо и остро звучат его классические спектакли. А намеренно современные пьесы выбирают мгновения не случайные, но насыщенные воздухом самой истории. В этом смысле Товстоногова можно назвать сценическим историографом, потому что каждый его спектакль он дает нам ощущение личной причастности к историческому движению человечества.

Эпическая широта, романность режиссерской концепции влечет за собой полифонию, равноправие всех сценических голосов. Принцип актерского ансамбля, исследованный от мхатовских традиций, глубоко и прочно укоренился в АДТ. Выращенные в «актерском гнезде» Товстоногова таланты давно стали крупнейшими мастерами советской сцены. И если кто покидал это гнездо, полагая свою индивидуальность самостоятельной, то впоследствии многое терял.

И все-таки при всей объективности, при всем многоголосии сценического «романа жизни» искусство Товстоногова обрывается в герою. Заметим, что самые прекрасные его режиссерские композиции всегда таковы лирического героя находили. Когда-то им стали — по велению времени — князь Мышкин И. Смоктуновского, Эпол В. Полицейского, Надежда Монахова Т. Дорожная и Чапкий С. Юрского с их романтической жаждой добра, правды и красоты. Позже пришли современные герои-правдоискатели Е. Копеляна и П. Лупскеева, К. Лаврова и С. Гершковца, Э. Шарно и Т. Дорониной, опустившиеся с романтических высот в прозу жизни, но не растерявшие на мужества, ни человеческого достоинства. Еще позже лирический герой режиссера стал набирать трагическую окраску. Ярким воплощением схватившую судьбу Григория Мелехова — О. Борисова и Холстомера — Е. Лебедева, чтобы в начале 80-х годов смениться горьким прозре-

нием Войничского — О. Василевский.

Впрочем, пронзительный ум режиссера никогда не оставлял в покое тех, по чьей вине правда и справедливость на земле оказывались потесненными. Недаром в его спектаклях вырастали такие масштабные социальные фигуры, как Вожак Ю. Толубеева, Бессеменов Е. Лебедева, Горюничий К. Лаврова или пресловутые шеринские либералы из компании Батальникова, сыгранные В. Гафтом, И. Квашой и О. Табаковым. Тут вся сила гневного сарказма режиссера, вся значительность его убийственной иронии достигали своей цели.

Товстоногов вовсе не боялся показать эти фигуры крупно, прядать им силу едва ли не устрашающую. Потому что реально видел всю опасную живучесть явления, их порочающего.

Но, пожалуй, ближе всего Товстоногову, как художнику, те произведения, в которых мотивы трагедийные и сатирические неразрывно переплетаются. Наверное, не случайно постоянным спутником его творческой жизни стал не только Чехов, но и Горький. Знаменитый горьковский цикл режиссера («Варвары», «Мещане», «Дачники») по существу открыл советской сцене нового драматурга: не того скучнейшего проповедника, хрестоматийных переложениях, а того яростного философа жизни, сердце которого горело ненавистью к тем, кто осеверняет землю, и любовью к тем, кто ее украшает. Игра на грани смеха и слез, негодования и восхищения, усталого презрения и kloкочущего лиризма, какой отменно — горьковском трагикомическом стиле создания Е. Лебедева, Э. Поповой, В. Стрельчикова, О. Борисова, Н. Трофимова и многих других, дает пример остро современного способа актерского существования, образец развития системы К. С. Станиславского.

Товстоногов в пути, в движении, в постоянной мысли-слимой траге сил. У него громада замыслов, идей, масса обязанностей и забот. Завершился один этап, начинается тут же, без паузы, другой. Искусство его, освободясь от прежней сухой традиционности, разряженной условности, возвращается к полноте жизни, тяготеет к быту, к слиянию с природой. Но при этом своей метафоричности не теряет. Сложно с таким художником, как Э. Кочеряга, дает возможность режиссеру ощутить живую силу оценочного пространства, в котором незримо поднимается и вырастает своя поэзия, как зарисовка она в загоне для табуна лошадей или в круговороте сторвавшихся от земли деревень.

Театр Товстоногова сотворен крепко и надолго, как дело жизни глубочайше серьезное. Он может жить весело и грустно, может дышать тихо или вольно, может изменять свой лик почти до неузнаваемости, может означать новым молодым головами. Но по-прежнему будет предан надеждам и тревогам гуманным, по-прежнему будет думать о высокой и трудной мере ответственности каждого человека за все, что происходит вокруг, будет безразлично прикасаться и безразлично точкам истории, чтобы не дать нашей совести заснуть. И мы по-прежнему будем рваться в Ленинград на новый товстоноговский спектакль, как на праздник, который всегда с тобой.

М. СТРОЕВА,

доктор искусствоведения.

● Г. Товстоногов и исполнительница роли комиссара в спектакле Ленинградского Большого драматического театра имени М. Горького «Оптимистическая трагедия» Лариса Малевская. Фото Ю. Белкина (ТАСС).